

К числу таких случаев следует отнести главу 11 (стлб. 1035—1036) — «О видении столпа огненного». Как известно, «Сказание» Авраамия в своем рассказе очень охотно пользуется чудесным элементом — видениями, явлениями, знаменами. Но тогда как в большинстве случаев эти видения, явления и знаменания по содержанию ничего общего со «знаменами» повести не имеют, «видение столпа огненного» несомненно связано с первым «знамением» повести (в церкви св. Софии). Вот как в «Сказании» передается это «видение», которое видели некоторые из старцев монастырских и многие люди «не во сне, а на яву». Старец священноинок Пимен во время ночной молитвы увидал в оконце своей келии свет, взглянул на монастырь и, увидав большой свет, подумал, «яко пожар, мнев, яко врази зажгли монастырь». Присмотревшись более внимательно, он увидал, что это — огненный столп, стоящий над главою церкви Троицы (главная церковь монастыря) и достигавший небес. Напуганный видением, Пимен созвал других старцев и мирских людей; они видели то же и дивились знамению. Понемногу столп стал опускаться и виться, как огненное облако, и через окно над дверью церкви вошел в церковь. Если мы вспомним обстоятельства, при которых было наблюдаемо знамение во св. Софии по рассказу повести, то зависимость рассказа «Сказания» от этого места повести будет вне сомнения.¹

Другой аналогичный случай заимствования отдельного эпизода автором «Сказания» из повести мы имеем в рассказе его в главе 26-й (стлб. 1069—1070) о «лютой зело пищали, зовоймой Трещера» у осаждавших, поставленной ими в роце на Терентьевской горе: «Воеводы повелеша стреляти на Терентьевскую гору по литовскому снаряду из башни Водяных ворот. Ударивши по большой их пищали, по Трещере, и разбиша у нея зелейник. Тако же и от святых ворот с Красных башни удариша по той же пищали и разбиша у нея устье. И видеша с Троицкого града сущии людие, благодариша бога, яко разруши злый той сосуд». Это, разумеется, простое приспособление эффектного эпизода повести о «большой пушке» к иным условиям — осаде Троицкого монастыря.²

Весьма возможно, что под влиянием повести формулировано было и начало 10-й главы «Сказания»: «Осадные воеводы... приговорили... разделить градския стены и башни, и ворота и наряд... да всяк их ведает и хранит свою страну и место и вся... и с приступными людьми бьются с стены, а из града и на иную ни на которую службу да не исходит» (стлб. 1034).³

¹ В повести: осветился весь город, и стражи вообразили, что турки зажгли город, подняли тревогу, собрали народ; теперь увидали, что это — свет, который исходит из церкви и обнял всю «шею [купол] церковную»; потом свет этот «взялся на небо» и исчез во вратах небесных (стр. 253—254). Стало быть, составитель «Сказания» взял внешнюю обстановку «знаменания», но из конца «знаменания», переменив смысл, построил конец своего видения, сказав, как свет «вошел» в церковь, т. е. конечный момент своего образа обратил в начальный. Это изменение понятно: в «Сказании» это видение не имело того значения грозного предсказания, как в повести, а наоборот — благоприятное.

² В повести: «Зустуея же, нарядив пушку свою, ударив тое пушку и расседся у неа зелейник. Сиа же видево, безверный Магмет възьярися до зела» (стр. 448). Откуда у Авраамия явился второй выстрел (с Красной башни), можно догадываться: в иных текстах повести (каков, например, Заб. 200, л. 167) дается вариант к этому месту: «удариша ядром во устье тоя великия пушки и разбиша ю». Имея перед собой оба варианта, Авраамий и составил свой рассказ.

³ Так же, как в повести, решение это состоялось при начале осады монастыря, после стычек с неприятелем за стенами его. В повести: «царь повеле вельможам и мегистаном разделить войном градския стены и стрельницы и врата... да каждо их ведает и хранит